

Д.А. ГОЛОВАНОВА
(Москва)

ОТРИЦАНИЕ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

Представлены результаты анализа интервью с профессиональными дипломатами, а именно особенности использования дипломатами отрицания в своих высказываниях. Все случаи употребления отрицания распределены по нескольким группам: прямое, усиленное, смягченное отрицание, а также тактика уклонения. В примерах к каждой группе дается анализ характера использования отрицания. Особое внимание уделяется дихотомии «свой – чужой», которая проявляется в том числе и через отрицательные конструкции.

Ключевые слова: *эксплицитное отрицание, имплицитное отрицание, «свой – чужой», публичная дипломатия, прямое отрицание, усиленное отрицание, смягченное отрицание, тактика уклонения.*

В последние десять – двадцать лет в дипломатии наблюдается тенденция к большей открытости, освещению наиболее значимых вопросов и легкой доступности государственной документации для широкой публики. Это явление приобрело название “public diplomacy”, или «публичная дипломатия». Классическое значение данного термина дает определение, разработанное в процессе формирования Центра публичной дипломатии им. Э.Р. Мэрроу в 1965 г. Э. Гуллионом, отметившим, что публичная дипломатия имеет дело с влиянием общественных установок на осуществление внешней политики. Она включает в себя измерения международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии: культивирование правительствами общественного мнения в других странах, взаимодействие частных групп и интересов одной страны с другой. Центральным моментом для публичной дипломатии является транснациональный поток информации и идей [9]. Из данного определения следует, что основной целью «публичности» дипломатии является влияние и контроль общественного мнения по отношению к государству (как своему, так и какому-либо другому) и конкретному событию на территории своей страны либо в пределах другого государства.

С развитием информационных технологий подобную деятельность осуществлять стало значительно проще. Дипломаты и другие

представители государства могут вести блоги в сети Интернет, что позволяет любому желающему общаться с представителем дипломатического корпуса. Так, бывший американский посол в России М. Макфол активно ведет свой блог в Twitter, в котором освещает свое мнение по разным вопросам, делится информацией с читателями и отвечает на интересующие их вопросы. Данное средство общения с публикой является относительно новым, и пока что немногие дипломаты прибегают к нему. Ключевым же элементом публичной дипломатической деятельности выступает работа дипломатов с прессой, что включает в себя участие в пресс-конференциях и интервью. Объектом настоящей статьи является интервью, а предметом – то, как профессиональные дипломаты используют отрицание при освещении того или иного вопроса.

Под *дипломатическим интервью* мы понимаем беседу интервьюера с дипломатом как на темы международных отношений, так и на общие темы, касающиеся культуры, развития и пр. той или иной страны. Выбирая такое узкое понимание термина (в противовес широкому пониманию, при котором понятие «дипломатическое интервью» включает также и беседу интервьюера с любым интересующим его лицом о дипломатии), мы исходили из понятия институциональности дипломатического дискурса, т. е. из его узкой трактовки. Разработкой типологии институциональных дискурсов занимался, в частности, В.И. Карасик. В предложенной им типологии подчеркивается, что институциональный дипломатический дискурс представлен именно дипломатическим институтом в лице профессиональных дипломатов, целью которых является урегулирование международных и внутривнутриполитических отношений [6].

Цель любого акта интеракции – понимание адресатом той мысли, которую хотел донести адресант, поэтому последнему крайне важно выбрать такие способы передачи мысли, которые сведут к минимуму возможность неправильной интерпретации его слов. Как мастера слова, дипломаты знают не только это. Подготавливая ту или иную речь, они должны руководствоваться еще и самой главной задачей дипломатии – поддержанием мира и урегулированием конфликтов. Главным инструментом профессионалов является язык и его умелое использование. Как отметил английский дипломат Г. Никольсон, язык дипломатии –

это «использование сдержанных и осторожных фраз, которые дают возможность дипломатам и министрам говорить друг другу самые резкие вещи в мягком тоне» [8, с. 171]. Данная задача – непрерывная концентрация внимания на своей речи – ложится тяжелым бременем на плечи дипломата, заставляя его постоянно продумывать последующие фразы, чтобы они имели наибольший необходимый эффект воздействия на публику. Сам М. Макфол замечает в одном из интервью, что, покинув пост дипломата, он «уж точно не будет скучать о том, что ему приходится обдумывать каждое слово в разговоре с журналистом» [10].

Особенно осторожным приходится быть профессиональному дипломату в выборе и построении предложений, когда ему необходимо использовать отрицание. Во-первых, это связано с тем, что дипломату максимально важно «сохранить свое лицо» (П. Браун, Р. Лакофф, С. Левинсон, Дж. Лич), поскольку он представляет целое государство, а также сохранить своих сторонников и приобрести новых. Во-вторых, вызванная у читателя или зрителя положительная реакция на информацию, сообщенную дипломатом, способна воздействовать на адресата в необходимом для интервьюируемого ключе.

Анализ интервью с дипломатами показал, что все случаи употребления отрицания или отрицательных конструкций в интервью можно сгруппировать следующим образом:

- 1) прямое отрицание;
- 2) усиленное отрицание;
- 3) смягченное отрицание;
- 4) тактика уклонения.

В каждой из этих групп также находят свое отражение дихотомия «свой – чужой».

1. Прямое отрицание. Это высказывание с непосредственно отрицательной конструкцией – грамматическим отрицанием (вспомогательный глагол + частица *not*). К этой группе относятся случаи с так называемым нейтральным отрицанием, под которым понимается отрицание, не несущее в себе никаких оценочных значений событий. Иными словами, употребляя отрицательную конструкцию при констатации какого-то факта, дипломат не ставит задачу вложить в свои слова скрытый смысл: *And in the afternoon we kind of flipped the tables by inviting in Russian and American representatives and leaders of NGOs that work in this field to talk about their perspective of what the government does and does not do* [13]. Как показывает пример, в данном предложении использовано грамма-

тическое отрицание. Конструкция с грамматическим отрицанием в данном примере максимально прозрачна и не несет никаких дополнительных смыслов, а является лишь констатацией факта.

К высказываниям с прямым отрицанием также относятся случаи, когда в ряде ответов на поставленный вопрос дипломат открыто заявляет о том, что у него нет сведений по данному предмету, при этом отсутствие информации им не рассматривается как нечто негативное, а является вполне закономерным явлением: *While I don't have numbers for cost of production, I can quote a number which was mentioned by Carlos Pascual, who now in charge of U.S. energy policy at the State Department...* [15]. Именно потому, что дипломат не считает, что «потеряет лицо», подтверждая факт не владения какой-то информацией, т.к. знание определенных цифр не входит в его прямые обязанности и отсутствие информации с его стороны не вызовет отрицательной реакции у публики, он так же, как и в первом случае, использует эксплицитную форму отрицания.

2. Усиленное отрицание. Как показал анализ дипломатических интервью, оно характерно для вопросов, связанных с вооружением стран мира. Американская сторона демонстрирует свою жесткую позицию относительно вооружения разных стран (в том числе и при помощи эксплицитных отрицательных конструкций), подчеркивая свою миротворческую позицию, что, с ее точки зрения, заслуживает положительной оценки. Рассмотрим следующий пример: *On the two biggest proliferation issues of our time, Iran and North Korea, there's virtually no daylight between the Russian and American positions, and on Iran, there's the potential for a breakthrough. Syria's complicated, because the radical disagreement we've had with them in interpreting the causes of that genuine tragedy. But the level of cooperation we have to remove and destroy their chemical weapons is unprecedented. There's places where we cooperate, places where we radically disagree* [10]. Как видно из примера, дипломат использует не просто отрицательное слово *no*, а употребляет его с метафоричным *daylight*, что делает высказывание еще более экспрессивным и позволяет сделать сильный акцент на данной проблеме, когда он заявляет о том, что в самых серьезных вопросах по вооружению у США большие разногласия с Россией. Далее он использует отрицательное слово *disagreement*, добавляя оценочное прилагательное с негативной коннотацией

radical, что в данном случае также усиливает отрицательное значение первого. Посол заканчивает свое высказывание теми же словами (*we radically disagree*), что еще раз подчеркивает категоричный настрой относительно данного вопроса, поскольку повтор усиливает акцент на данном предмете. И наконец, дипломат говорит о масштабах вооружения, используя прилагательное с отрицательной коннотацией *unprecedented*, что подчеркивает недопустимость с точки зрения США таких масштабов вооружения. В целом все вышеуказанные средства отрицания делают высказывание посла радикальным и категоричным.

3. Смягченное отрицание. Оно появляется в дипломатической речи тогда, когда возникает необходимость критики деятельности своей страны, представленной, однако, в крайне мягком варианте. Для этого используются лексические средства, такие как, например, наречие *quite* либо слова с отрицательной коннотацией, которые могут заменить конструкцию «вспомогательный глагол + *not*» (как будет проиллюстрировано во втором примере). Первый же случай наглядно представлен в следующем примере: *I think that the broader point I would make is that we have had to react to many things that have happened over the course of the last two years, but we haven't changed our general approach in terms of our policy objectives and strategy for achieving them. The results of these strategies, though, weren't quite as ambitious as we had hoped for when I first joined the government* [14]. В высказывании дипломат сначала обозначил положительную сторону работы своей страны и только потом перешел к «критике»: в первом случае важную роль в отрицательной конструкции имеет положительная семантика глагола: *we haven't changed ...approach*, что можно трактовать следующим образом: «мы остались верны своим взглядам и принципам», и это оценивается положительно. Во второй части дипломат вынужден все же признать, что, несмотря на все стремления, действительные результаты не совпадают с задуманными (*The results...weren't quite as ambitious as we had hoped*). Чтобы смягчить негативный эффект от данного сообщения, дипломат использует наречие *quite*, что позволяет трактовать высказывание как «результаты есть, большая часть работы проделана» (если бы фраза была сформулирована как *The results...weren't as ambitious as we had hoped*, то имела бы другую коннотацию: действительные результаты совсем не совпадают с намеченными). Таким

образом, критика смягчается в два этапа: представлением своей сильной стороны плюс лексический компонент.

Замену грамматического отрицания иллюстрирует следующий пример: *This is actually a great example because there is a great misperception in this country that you have a 50/50 chance of getting a visa*. Уход от традиционного грамматического отрицания (*no, not*) всегда имеет более слабый эффект на адресата, т. к. заменяет традиционное отрицание, которое по своему воздействию является самым распространенным и сильным. В высказывании использовано слово с отрицательным префиксом *mis-* (ср.: недопонимание – не понять правильно), что позволяет речи быть более гибкой и дипломатичной, какой она и должна быть в устах дипломата.

4. Тактика уклонения. Преследуя основные цели дипломатии, сотрудники дипломатического корпуса зачастую вынуждены находить такие речевые решения, которые позволят им уйти от прямого ответа и при этом не создать впечатления умолчания и недосказанности. Не секрет, что зачастую интервьюер задает вопросы, касающиеся какого-то конфликта и требующие прямого ответа. При ответе на такие вопросы дипломаты максимально осторожны и, как правило, не отвечают прямо, а используют тактику уклонения. Например, в интервью с М. Макфолом [13] был затронут вопрос, связанный с первым заместителем главы администрации Кремля В. Сурковым. Этот случай стал тревожным сигналом прекращения «перезагрузки» в отношениях России и США. Члены конгресса направили Б. Обаме письмо с требованием отказаться от участия в рабочей группе по проблемам гражданского общества до тех пор, пока Россия не назначит нового сопредседателя, поскольку Конгресс не устраивала политика, продвигаемая В. Сурковым. М. Макфолу был задан вопрос о видении данной ситуации, потому что ко всему прочему он также является сопредседателем данной рабочей группы, однако посол уклонился от ответа, говоря, что сложившуюся ситуацию могут прокомментировать другие (не указывая при этом на кого-то конкретно): *I know the controversy around Mr. Surkov, and I'll leave that for others to comment on* [13]. В данном случае дипломат использует имплицитную модель отрицания, избегая категоричности высказывания: М. Макфол попросту снимает с себя ответственность, перекладывая ее на неких «других».

В политике и дипломатии на любом уровне красной нитью проходит противопоставление «своих» «чужим», будь то различные партии либо разные государства, и отрицание играет важную роль. В интервью с дипломатом неминуемо затрагиваются межгосударственные отношения, что так или иначе вскрывает данную оппозицию. Более того, она в той или иной степени отражена в каждой вышеописанной группе: в случаях с прямым, усиленным, смягченным отрицанием, а также при тактике уклонения. Следует отметить, что в конструкциях с нейтральным отрицанием степень противопоставления «своих» «чужим» сводится к минимуму, но не исчезает полностью, поскольку является основополагающей в дипломатическом дискурсе. Дихотомия «свой – чужой» изучалась разными учеными с различных точек зрения (например, происхождение, функционирование и пр.), однако до сих пор не было предложено рассмотрение реализации данной дихотомии посредством отрицания в дипломатической речи.

Противопоставление «своих» «чужим» является архетипическим и представляет основу культуры всех народов: любой индивид относит себя к той или иной группе по национальному, возрастному, половому признаку, жизненным приоритетам, политическим взглядам, религии и пр. и идентифицирует себя как «свой» на основе общности с данной группой людей. Границы «своих» заканчиваются там, где появляются отклонения от имеющихся в группе норм и правил, что часто воспринимается как нечто неправильное, плохое, т. е. отрицательно. Для дипломатического интервью в основе противопоставления «свой – чужой» лежит главным образом геополитический признак: к «своим» дипломат относит страну, которую он представляет, и ее граждан, к «чужим» относится страна, в которую он назначен.

При отнесении того или иного объекта к категории «свой» или «чужой» субъект «присваивает» ему положительную или отрицательную оценку. Традиционно «свой, свои» оцениваются положительно, а «чужой, чужие» – отрицательно, что является прототипом категории противопоставления «свой – чужой», другие оценки составляющих категории менее частотны (подробнее см., например: [1; 7]). Для данной статьи релевантным будет рассматривать оппозицию «свой – чужой» как антонимическую пару, в которой основанием для противопоставления является положительная оценка «своего» и негативная оценка «чужого». Однако также важна и промежуточ-

ная категория «чужой – другой», которая не подразумевает ни положительной, ни отрицательной оценки «чужого». Отметим, что категория «свой – плохой» не встречалась в анализируемом материале.

Анализ дипломатического интервью показал, что в языке дипломатов отрицание используется специфически: оно употребляется для подчеркивания не только негативного отношения к «чужому», но и положительности «своего». В случае использования отрицания для подчеркивания положительности «своего» наиболее прототипичным вариантом является традиционное грамматическое отрицание: «вспомогательный глагол + *not*». В этом случае отрицание относится к тому, чего не следует делать в принципе: *Maybe there was a time in American history when we were that powerful and we could tell other countries what to do all the time and who to name to bi-national commissions, but we are certainly not trying to do that in our relationship with Russia today* [13]. Вмешательство в политику других стран всегда оценивалось обществом крайне негативно. Признавая это, М. Макфол старается смягчить хорошо известный всем факт того, что США неоднократно вмешивались в политику разных стран словом *maybe*, таким образом как бы слегка критикуя политику США. За счет этого заявление о том, что страна более не ведет такую политику («свои» хорошие), выглядит более весомым. Дипломат также подчеркивает, что они «даже и не пытаются это делать», усиливая утверждение наречием *certainly*.

Для выражения положительной оценки «своих» дипломаты также прибегают к конструкции *not only... but*, которая позволяет создать более сильный положительный эффект на адресата: *This has helped us not only eliminate the need for imported natural gas, but we're almost to the point where we can now export gas* [15]. В данном случае дипломат Дж. Теффт использует конструкцию *not only... but*, которая позволяет акцентировать внимание сразу на двух положительных моментах, что добавляет «весомости» положительной деятельности «своих». Она также позволяет дипломату создать у адресата впечатление, что США интенсивно занимаются вопросом и достигли хороших результатов (*not only eliminate the need... but we are almost at the point...*).

Важно отметить, говоря о противопоставлении «свой – чужой», что эксплицитные отрицательные конструкции в дипломатическом интервью используются с диаметральной про-

типоволожностью: для обозначения либо «своего» хорошего, либо «чужого», но уже плохого. Так, Дж.Тэффт заявляет: *I spend a lot of my time as Ambassador on trying to weigh in with the Government, because American companies were not being treated properly either by the government agencies – tax administration, customs, or something else – or were victims of raider attacks, or could not get justice in a corrupt judicial system* [15]. Дипломат использует эксплицитное отрицание, не сокращает его, что делает акцент на значении конструкции. Данный пример иллюстрирует, как эксплицитная отрицательная конструкция *were not being treated* уже открыто характеризует «чужого» (*the government agencies, raider attacks, corrupt judicial system*) в лице государственных институтов страны, в которой дипломат является представителем США, как «плохого, неправильного», потому что в результате «неправильных» действий пострадали «свои» – *American companies*.

В процессе анализа статей также было отмечено, что в рамках дихотомии отрицание появлялось в категории «чужой – другой», что не предполагает ярко выраженной отрицательной оценки, однако она присутствует в высказывании имплицитно и может быть вскрыта адресатом в результате анализа, но этот случай нехарактерен для дипломатического интервью. Так, отвечая на вопрос о том, что россияне ожидали от него как от посла, М. Макфол говорит: *Russian people are always blown away, when they meet me in person, that I don't quite fit the cartoon character. One, I speak the language. People are always surprised by that. Two, I'm a pretty informal guy. They have a different image of what an ambassador is, right? People stare, and I can feel it. They want to talk, but they're too shy. So I just take the initiative* [10]. На первый взгляд, прилагательное *different* (не такой) не несет в данном случае никакой оценочной нагрузки, тем не менее в иронии, с которой дипломат отвечает на вопрос, все же прослеживается легкий отрицательный оттенок, характеризующий «чужих».

Подведем итог всему вышесказанному. Все случаи употребления можно сгруппировать следующим образом: прямое отрицание, усиленное отрицание, смягченное отрицание, тактика уклонения, противопоставление «свой – чужой», находящее свое отражение в каждой из этих групп в той или иной степени. Эксплицитное отрицание не использует-

ся для критики «своих», но однозначно появляется в критике «чужих». Для прямого отрицания характерно использование грамматических форм «вспомогательный глагол + *not* (или сокращенная форма *n't*)»; при смягченном отрицании характерны частично грамматические, частично лексические средства; при тактике уклонения отрицание заменяется лексическими средствами, перефразами, громоздкими конструкциями.

Литература

1. Алиева Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
2. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
3. Демьянков В.З. Загадки диалога и культуры понимания // Текст в коммуникации. М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1991. С.109–116.
4. Долинский А.В. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? [Электронный ресурс]. URL : http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=791.
5. Ильченко С. И. Интервью в журналистском творчестве. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003.
6. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
7. Матвеева А.А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой – чужой» (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011.
8. Никольсон Г. Дипломатия. М. : Госполитиздат, 1941.
9. Definitions of Public Diplomacy [Electronic resource]. URL : <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions>.
10. Dosvedanie to All [Electronic resource]. URL : <http://www.newrepublic.com/article/116610/michael-mcfaul-exit-interview-us-ambassador-russia-speaks>.
11. Eemeren F.H. van, Grootendorst R. Argumentation, communication, and fallacies: a pragma-dialectical perspective. Lawrence Erlbaum Associates, 1992.
12. Hall S. The Social Production of News // Policing the Crisis : mugging, the state, and law and order. L. : Macmillan, 1978. P. 55–57.
13. Interview: McFaul On U.S., Russian Stereotypes And His Controversial Co-Chair [Electronic resource]. URL : <http://eurodialogue.eu/Interview-McFaul-On-US-Russian-Stereotypes-And-His-Controversial-Co-Chair>.

14. An Interview with Michael McFaul, U.S. Ambassador to Russia [Electronic resource]. URL : <http://thepolitic.org/an-interview-with-michael-mcfaul-u-s-ambassador-to-russia>.

15. Korrespondent Interview with Ambassador John F. Tefft [Electronic resource]. URL : <http://ukraine.usembassy.gov/speeches/korrespondent.html>.

* * *

1. Alieva T.V. Yazykovyie sredstva realizatsii kontseptualnoy oppozitsii «svoy – chuzhoi» v britanskom politicheskom diskurse : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2013.

2. Golodnov A.V. Lingvopragmaticheskie osobennosti persuazivnoy kommunikatsii (na primere sovremennoy nemetskoyazyichnoy reklamy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2003.

3. Demyankov V.Z. Zagadki dialoga i kulturyi ponimaniya // Tekst v kommunikatsii. M. : In-t yazykoznaniya AN SSSR, 1991. S.109–116.

4. Dolinskiy A.V. Chto takoe obschestvennaya diplomatiya i zachem ona nuzhna Rossii? [Elektronnyy resurs]. URL : http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=791.

5. Ilchenko S. I. Intervyu v zhurnalistskom tvorchestve. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2003.

6. Karasik V.I. O tipah diskursa // Yazykovaya lichnost: institutsionalnyy i personalnyy diskurs : sb. nauch. tr. Volgograd : Peremena, 2000. S. 5–20.

7. Matveeva A.A. Otsenchnaya parametrizatsiya lingvokulturologicheskoy kategorii «svoy – chuzhoi» (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyika) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2011.

8. Nikolson G. Diplomatiya. M. : Gospolitizdat, 1941.

9. Definitions of Public Diplomacy [Electronic resource]. URL : <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions>.

10. Dosvedanie to All [Electronic resource]. URL : <http://www.newrepublic.com/article/116610/michael-mcfaul-exit-interview-us-ambassador-russia-speaks>.

11. Eemeren F.H. van, Grootendorst R. Argumentation, communication, and fallacies: a pragma-dialectical perspective. Lawrence Erlbaum Associates, 1992.

12. Hall S. The Social Production of News // Policing the Crisis : mugging, the state, and law and order. L. : Macmillan, 1978. P. 55–57.

13. Interview: McFaul On U.S., Russian Stereotypes And His Controversial Co-Chair [Electronic resource]. URL : <http://eurodialogue.eu/Interview-McFaul-On-US-Russian-Stereotypes-And-His-Controversial-Co-Chair>.

14. An Interview with Michael McFaul, U.S. Ambassador to Russia [Electronic resource]. URL : <http://thepolitic.org/an-interview-with-michael-mcfaul-u-s-ambassador-to-russia>.

15. Korrespondent Interview with Ambassador John F. Tefft [Electronic resource]. URL : <http://ukraine.usembassy.gov/speeches/korrespondent.html>.

Negation in diplomatic interviews

There are represented the analysis results of the interview with professional diplomats, in particular the peculiarities of negation use by diplomats in their utterances. All the cases of negation use are divided into several groups: direct, intense, soft negation, as well as the tactics of deviation. In the examples to each group there is given the analysis of the character of negation use. Special attention is paid to the dichotomy “yours-other’s”, which is revealed in negative constructions as well.

Key words: *explicit negation, implicit negation, “yours-other’s”, public diplomacy, direct negation, intense negation, soft negation, tactics of deviation.*

(Статья поступила в редакцию 26.08.2014)

